

Мужчинам обычно не требуется много времени на подготовку перед выходом из дома — достаточно надеть подходящую одежду, привести в порядок волосы и взять необходимые вещи. Через десять минут Сун Цисинь уже сидел в машине, пока У Хэн выезжал с территории виллы.

За окном машины кипела жизнь: машины и люди двигались в постоянном потоке. Наблюдая за этой знакомой картиной, Сун Цисинь в этот момент почувствовал, что между двумя мирами нет большой разницы. Все те же знакомые улицы, знакомые пейзажи, даже номера автобусов на некоторых маршрутах были такими же.

Однако, когда он приехал в дом дяди, увидев знакомые, но в то же время чужие лица, он действительно ощутил разницу между двумя мирами.

Сун Цисинь с улыбкой поздоровался с семьёй дяди, особенно тепло обратившись к «давно не виденным» двоюродным сестре и брату. В ответ он получил холодное выражение лица «богини» и глуповатое лицо брата, выражающее полное недоумение.

Сун Сянь медленно поднял дрожащую руку и, указывая на Суна Цисиня, заикаясь, произнёс:

— Ты... ты... кто ты такой?!

Старший дядя Сун, услышав это, тут же ударил сына по затылку, отчего тот чуть не упал лицом в пол.

Сун Ли, которая также была в шоке, напротив, быстро пришла в себя и, бросив взгляд на брата, который сидел, потирая затылок, сказала Суну Цисиню:

— Неплохо, неплохо, оказывается, ты можешь выглядеть как симпатичный парень, если приведешь себя в порядок.

Затем она с презрением посмотрела на своего брата:

— Гораздо симпатичнее, чем этот дурак.

Сун Сянь тут же вскочил на ноги, с обидой указывая на сестру:

— Я твой родной брат, или он твой родной брат?!

Сун Ли по-прежнему выглядела равнодушной:

— Вы можете поменяться местами, я не против.

— А когда он был шаматэ, ты почему молчала?!

Сун Сянь указал на Суна Цисиня, чуть не ткнув его пальцем в нос.

Сун Цисинь отступил на полшага назад, с иронией в уголке рта. Из воспоминаний предыдущего владельца тела он знал, что его двоюродный брат был немного странным, но теперь, когда тот прямо указал на него и назвал шаматэ... Ну, они точно были родственниками!

Сун Ли продолжала подкалывать брата:

— Разве я не говорила? Может, ты просто не слышал.

Старший дядя Сун, игнорируя ссору детей, обнял племянника за плечи и повёл его в гостиную:

— Раньше ты отказывался приходить на праздники, а теперь я слышал, что ты вообще никуда не ходил с друзьями. Нельзя же всё время сидеть дома! Даже если ты усердно работаешь, не стоит торопиться.

Отец Суна, приехав утром, привёз с собой документы, которые он собрал о странных событиях, произошедших с его сыном в подростковом возрасте.

Узнав правду, старший дядя Сун долго молчал, сглатывая горечь, и в тот момент почувствовал полное понимание с братом — хотя хорошо, что ребёнок не стал действительно плохим, но зачем тогда все эти выходки? Это было не просто «потерять больше, чем приобрести», это было «потерять гораздо больше, чем приобрести»!

Поэтому, когда Сун Цисинь приехал, он встретил его с особой теплотой и радушием.

— Хватит вам ссориться! Идите поговорите с отцом.

Тетушка Сун бросила строгий взгляд на своих детей, чуть не схватив сына за ухо, чтобы усадить его на диван.

Все сели, и тетушка Чжао вовремя подала чай. Старший дядя Сун с улыбкой посмотрел на Суна Цисиня, которого он усадил рядом с собой:

— Я слышал от твоего отца о твоём фильме. Не дави на себя, считай это пробой пера. Твой отец нашёл тебе хороших помощников, так что если что-то непонятно, спрашивай у них. Мы ещё молоды, не стесняйся. Когда снимешь пару фильмов и наберёшься опыта, сможешь снимать, как захочешь.

Отец Суна, сидя напротив, с гордостью поднял чашку чая, явно довольный собой, хотя непонятно, чем именно.

Сун Цисинь почтительно кивнул, делая вид, что внимательно слушает, что заставило Суна Сяня, который ел фрукты, с любопытством разглядывать его. Его движения были настолько заметными, что отец Суна, сохраняя довольную улыбку, спросил:

— Сянь, что ты так смотришь? Неужели забыл, как выглядит твой брат?

Услышав это, не только старший дядя Сун, тетушка Сун, Сун Ли и Сун Сянь, но даже двое помощников и няня, которые находились рядом, не могли скрыть странных выражений лиц. Честно говоря, они не очень помнили, как выглядел прежний Сун Цисинь. Это можно было объяснить тем, что его волосы и аксессуары были слишком яркими, из-за чего его настоящая внешность оставалась незамеченной.

Сун Сянь опустил голову и долго смеялся, пока старший дядя Сун не ударил его через Суна Цисиня, после чего он указал на брата и сказал отцу:

— Дядя, я просто смотрю, вдруг моего брата подменили?

Внешний вид и поведение Суна Цисиня изменились настолько, что даже его отношение к старшему дяде стало совершенно другим. Сун Сянь и Сун Ли, хотя и нечасто общались с ним в последние годы, но всё же не были давно не видевшимися друзьями, поэтому они не могли не удивиться и пошутить на этот счёт.

Сун Цисинь с иронией посмотрел на присутствующих, видя, что все воспринимают слова Суна

Сяня как шутку, и с досадой сказал ему:

— Я помню, как ты в шесть лет приехал ко мне в гости и утром обмочил кровать...

Не дав ему закончить, Сун Сянь резко изменился в лице и попытался закрыть рот Суну Цисиню:

— Брат, родной брат! Ты мой брат по духу, если не по крови!

Сун Сянь продолжал дурачиться, заставляя всех смеяться до слёз. Старший дядя Сун, смеясь, снова ударил сына по затылку, и даже Сун Цисинь, сидевший между ними, получил несколько толчков локтем. Старший дядя Сун ругал его:

— Говоришь ерунду, несёшь чушь!

С таким шутником в доме атмосфера собрания была особенно весёлой, и даже обычно сдержанный Сун Цисинь не мог удержаться от смеха.

После этого все разделились на группы, обсуждая интересующие их темы.

Сун Сянь схватил Суну Цисиня за руку и спросил шёпотом:

— Брат, ты правда собираешься снимать фильм?

Сун Цисинь кивнул.

— Скоро начнёшь?

— Съёмки начнутся в следующем месяце.

Сун Цисинь всё ещё чувствовал себя неуверенно. Оставалось меньше месяца, и он не знал, сможет ли за это время полностью разобраться в сценарии. Теперь он мог только надеяться, что общение с режиссёрами поможет найти выход.

Сун Сянь с горящими глазами крепко схватил руку Суну Цисиня:

— Брат, родной брат, дай мне хоть маленькую роль!

Сун Цисинь поднял бровь:

— Ты? Хочешь сниматься?

Сун Сянь энергично кивнул, его глаза буквально светились.

Прежде чем Сун Цисинь успел ответить, Сун Ли, слушавшая разговор, охладила пыл брата:

— Он? Даже не думай, он только испортит весь фильм!

Сун Сянь сердито посмотрел на сестру:

— Кто испортит? Что я испортил? Ты как можешь так говорить о родном брате!

— Теперь есть пример.

Сун Ли холодно ответила и добавила:

— Но если в твоём фильме нужен клоун, он подойдёт идеально.

Сун Цисинь сидел на диване, с улыбкой наблюдая за ссорой брата и сестры, в то время как отец Суна и старший дядя Сун, услышав их разговор, повернулись к ним. Старший дядя Сун спросил:

— Сянь хочет сниматься в кино?

Отец Суна ударил кулаком по столу:

— Какой ещё фильм? Учись как следует!

Сун Сянь с недовольным видом пробормотал:

— Брат может снимать фильмы, а я не могу? Может, у меня талант, и я сразу стану звездой?

Сун Ли фыркнула:

— Ты быстрее в космос улетишь.

Старший дядя Сун снова ударил по подлокотнику дивана:

— Глупости! После школы ты пойдёшь в военное училище! Какие ещё фильмы? Тебе не стыдно, а мне стыдно!

Сун Сянь продемонстрировал классическое поведение семьи Сунов — импульсивность и прямолинейность. Его замечание о «подмене» брата, хотя и шутливое, отразило заметные изменения в характере и внешности Суна Цисиня после отказа от бунтарского стиля.

Упоминание шаматэ относится к китайской молодёжной субкультуре, известной экстравагантным стилем. Бывший имидж Суна Цисиня явно соответствовал этой эстетике, что объясняет реакцию родственников на его преображение.

<http://bllate.org/book/16375/1481336>